

Джон Стейнбек

Жемчужина

*Часть сборника
О мышах и людях. Жемчужина
(сборник)*

Джон Стейнбек

Жемчужина

«АСТ»

1947

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д.

Жемчужина / Д. Стейнбек — «АСТ», 1947

В городе рассказывают о великой жемчужине – о том, как она была найдена и вновь утрачена. Рассказывают о ловце жемчуга по имени Кино, его жене Хуане и малыше Койотито. Историю эту повторяли так часто, что она пустила глубокие корни в каждой душе. Как и во всех историях, которые пересказываются по многу раз и оседают в людских сердцах, в ней есть только хорошее и плохое, белое и черное, доброе и злое – и никаких полутонов. Возможно, это притча, и каждый видит в ней свой смысл и отражение собственной жизни. Как бы там ни было, в городе рассказывают, что...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Стейнбек Д., 1947
© АСТ, 1947

Содержание

I	6
II	11
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джон Стейнбек

Жемчужина

THE PEARL

© John Steinbeck, 1947

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Джон Стейнбек (1902–1968) – знаменитый американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 года и Пулитцеровской премии. Уроженец Калифорнии, Стейнбек в детстве подрабатывал на небольшом ранчо, трудясь бок о бок с мигрантами, – этот опыт потом нашел отражение в его самых знаменитых произведениях – «Гроздь гнева» (1939 г.), «О мышах и людях» (1937 г.). Участвовал во Второй мировой войне в качестве военного корреспондента, в 1944 году был тяжело ранен. Романы Стейнбека неоднократно экранизировались (часто сам автор писал сценарии к этим фильмам) и номинировались на премию «Оскар».

Читатели в самых разных странах мира зачитываются Стейнбеком, они любят его за «реалистический и поэтический дар, сочетающийся с мягким юмором и острым социальным видением», как сформулировал присуждение премии писателю Нобелевский комитет.

I

Кино проснулся почти в полной темноте. Еще светили звезды, и день лишь слегка мазнул белым по самому горизонту, хотя уже всюду кричали петухи, а свиньи рылись среди щепок и древесной трухи в поисках чего-нибудь съедобного. В зарослях кактусов рядом с хижинкой щебетали и хлопали крыльями птицы.

Кино открыл глаза и посмотрел сначала на светлеющий дверной проем, затем на подвешенный к столбу ящик, где спал Койотито. Наконец он повернул голову к Хуане, которая лежала рядом на циновке, обернув синей шалью спину, грудь и лицо. Глаза у нее были открыты. Сколько Кино помнил, они неизменно бывали открыты, когда он просыпался. В темных глазах Хуаны отражались звезды. Она смотрела на него тем взглядом, каким смотрела всегда в первые минуты пробуждения.

С берега доносился тихий шелест утренних волн. Хорошо... Кино вновь закрыл глаза и прислушался к музыке. Может, он один ее слышал, а может, слышал и весь его народ. Некогда люди его народа слыли великими певцами, и все, что они видели, думали, делали и слышали, становилось песней. С тех пор прошло немало времени. Старые песни остались – Кино знал их наизусть, – а вот новых не появлялось. Зато у него были свои. В эту самую минуту в голове у Кино звучала песня, тихая и ясная, и если бы он мог говорить о ней вслух, то назвал бы ее песней семьи.

Кино лежал, закрыв одеялом нос от сырого воздуха. Рядом раздался тихий шорох – почти бесшумно встала Хуана. Она босиком подошла к ящику, где спал Койотито, склонилась над ним и прошептала что-то ласковое. Малыш коротко глянул на мать, закрыл глаза и снова уснул.

Хуана шагнула к вырытому в земляном полу очагу, отыскала в золе уголек и принялась раздувать огонь, скармливая ему хворостинки.

Кино тоже встал, обернул голову и плечи одеялом, спрятал в него нос, сунул ноги в сандалии и вышел из хижины – посмотреть рассвет.

Он присел на корточки и прикрыл концами одеяла колени. Высоко над заливом уже пламенили легкие облака. Подошла коза, принялась и устала на Кино своими холодными желтыми глазами. Огонь в очаге наконец-то разгорелся – сквозь щели в плетеных стенах просочились тонкие лучи, а на землю лег неровный прямоугольник света от дверного проема. Запоздалый ночной мотылек ринулся в хижину в поисках пламени. Песня семьи звучала теперь из-за спины у Кино, а ритмом ей служил скрежет камня, которым Хуана молола кукурузу для утренних лепешек.

Рассвет наступил быстро: сумрак превратился в полусвет, полусвет – в сияние. Наконец небо запылало – это из залива встало солнце. Кино опустил глаза, пряча их от нестерпимого блеска. Он слышал, как в хижине у него за спиной Хуана прихлопывает руками тесто, чувствовал сытный запах жарящихся на противне лепешек. На земле копошились муравьи: одни – крупные, черные и блестящие, другие – маленькие, серые, проворные. С отрешенностью Бога Кино наблюдал, как серый муравьишка отчаянно пытается вылезти из песчаной ямки, которую вырыл для него муравьиный лев. Робко подошел худой черный щенок с золотисто-рыжими подпалинами вместо бровей. Ободренный ласковым словом хозяина, он свернулся калачиком, аккуратно обернул лапы хвостом и осторожно положил на них морду. Такое же утро, как любое другое, и все же самое прекрасное из всех...

Заскрипела веревка: это Хуана достала Койотито из ящика. Она умыла его и, словно в гамак, положила в повязанную через плечо шаль – так, чтобы он мог достать грудь. Кино видел обоих, даже не оборачиваясь. Хуана негромко напевала древнюю песню, в которой было только три ноты и, однако же, бесконечное разнообразие вариаций. Песня Хуаны тоже

была частью семейной песни. Все было ее частью. Иногда она восходила до щемящего аккорда, от которого перехватывало горло, словно говоря: «Вот – защита, вот – тепло, вот – все».

За плетеным забором стояли другие плетеные хижины. Оттуда тоже доносился запах дыма и звуки готовящегося завтрака, но то звучали чужие песни. Те свиньи – чужие свиньи, те жены – не Хуана. Кино был молод и силен; смотрел тепло, свирепо и ясно. Усы у него были тонкие и жесткие, на смуглый лоб свисали пряди черных волос. Кино отбросил с лица одеяло: тлетворный темный воздух рассеялся, и на хижину лился желтый солнечный свет. Возле плетня, опустив головы и взъерошив на загривке перья, шли друг на друга два петуха с растопыренными в стороны крыльями. Нелепая выйдет драка: куда им до бойцовых птиц? Кино немного понаблюдал за ними и перевел взгляд на стаю диких голубей, летящую от берега к холмам. Мир окончательно проснулся. Кино встал и вошел в дом.

Когда он появился в дверях, сидевшая у очага Хуана поднялась и уложила Койотито в ящик. Потом расчесала свои черные волосы, заплела в две косы и перевязала концы тонкой зеленой лентой. Кино присел рядом с очагом, свернул горячую лепешку трубочкой, обмакнул в подливку и съел. Затем выпил немного пульке¹ – вот и весь завтрак. Другого завтрака он никогда и не знал, если не считать церковных праздников да того раза, когда он так объелся печенья, что едва не умер.

Когда Кино покончил с завтраком, Хуана вернулась к очагу и тоже поела. Раньше они разговаривали друг с другом, но к чему слова, если произносишь их только по привычке? Кино удовлетворенно вздохнул – это и был настоящий разговор.

Солнце согревало плетеную хижину, бросая длинные лучи сквозь щели в стенах. Один такой луч упал на привязанный к столбу ящик, где лежал Койотито, на держащие его веревки.

Взгляд привлекло какое-то легкое движение. Кино с Хуаной замерли на месте: по веревке, на которой висел ящик, медленно полз скорпион. Смертоносный хвост гада был опущен, но ему ничего не стоило его поднять.

Из ноздрей Кино со свистом вырывался воздух, и он открыл рот, чтобы не было слышно дыхания. Затем растерянное выражение исчезло с его лица, а тело вновь обрело способность двигаться. Внутри у Кино звучала теперь новая песня – песня зла, музыка врага, любого недруга, готового причинить вред семье, дикая, тайная, опасная мелодия, а под ее раскатами жалобно стенала песня семьи.

Скорпион осторожно полз по веревке – вниз, к ящику. Сквозь плотно сжатые зубы Хуана бормотала древний заговор, подкрепляя его еле слышной «Аве Марией». Кино вышел из оцепенения. Он быстро и беззвучно скользнул через комнату, держа руки перед собой и не сводя глаз со скорпиона. Еще немного, и он у цели... Но тут Койотито со смехом потянулся к ядовитому гаду. Скорпион почувствовал опасность, замер и мелкими рывками начал поднимать хвост, на конце которого влажно поблескивал изогнутый шип.

Кино стоял совершенно неподвижно. Он слышал, как Хуана повторяет древний заговор; слышал зловещую музыку врага. Он ждал, куда двинется скорпион, а тот пытался определить источник приближающейся смерти. Кино протянул руку – очень медленно, очень осторожно... Хвост с ядовитым шипом дернулся вверх. В тот же миг Койотито со смехом потряхнул веревку, и скорпион упал.

Кино метнулся вперед, однако скорпион пролетел мимо его руки, шлепнулся на плечо ребенка и ужалил. Кино с рычанием схватил гада, раздавил, растер в мокрую кашу.

¹ Пульке – слабоалкогольный мексиканский напиток из забродившего сока агавы (здесь и далее – примечания переводчика).

Он бросил скорпиона на пол и принялся бить по нему кулаком. В ящике кричал от боли Койотито, но Кино все бил и бил, пока на земляном полу не осталось только влажное пятнышко. Зубы у него были оскалены, глаза сверкали от ярости, а в ушах ревела песня врага.

Хуана подхватила ребенка на руки и нашла след от укола, вокруг которого уже распространялась краснота. Она прижала губы к ранке и принялась высасывать и сплевывать, высасывать и сплевывать, а Койотито все кричал и кричал.

Кино беспомощно топтался на месте. Он не мог помочь; он только мешал.

Привлеченные криками Койотито, сбежались соседи. В дверях, перегородив проход, остановился Хуан-Томас, брат Кино, вместе со своей толстой женой Аполонией и четырьмя детьми. Остальные старательно заглядывали им через плечо, а один мальчик даже прополз между ног у взрослых, лишь бы узнать, что стряслось. Стоящие впереди передавали новость стоящим сзади: «Скорпион. Ужалил малыша».

Хуана перестала высасывать яд и взглянула на след от укола. Ранка немного увеличилась, а ее края побелели, но вокруг продолжал разрастаться твердый красный бугорок.

Все они хорошо знали, что такое укус скорпиона. Взрослый еще может переболеть и оправиться, а вот маленький ребенок вряд ли. Сперва место укола опухнет, начнется жар и удушье, затем – брюшные колики, и, если в кровь попало достаточно яда, малыш умрет. Однако первая жгучая боль уже отступала, и крики Койотито перешли в жалобные стоны.

Кино не раз удивлялся, какая железная воля у его хрупкой, терпеливой жены. Она, такая покорная, почтительная и жизнерадостная, во время родов извивалась от боли, не издавая почти ни звука. Хуана переносила голод и усталость едва ли не лучше самого Кино. В каное ничем не уступала сильному мужчине. И вот теперь она сделала нечто неслыханное.

– Доктора, – сказала Хуана. – Позовите доктора.

Новость эта тут же облетела тесный дворик, где толпились соседи. Хуана послала за доктором! Удивительное, небывалое дело – послать за доктором. Добиться, чтобы он пришел, значит совершить невозможное. Доктор никогда не посещал плетеные хижины бедняков. Да и зачем, когда в городе больных больше чем достаточно – больных-богачей в домах из камня и штукатурки.

– Он не придет, – говорили во дворе соседи.

– Он не придет, – вторили стоящие в дверях.

Мысль эта передалась и Кино.

– Доктор не придет, – сказал он.

Жена посмотрела на него холодными глазами львицы. Это же первый ребенок – почти единственное, что есть у нее в жизни! Кино увидел решимость Хуаны, и музыка семьи у него в голове зазвенела, как сталь.

– Значит, мы сами к нему пойдем, – объявила Хуана.

Свободной рукой она накинула на голову шаль, одним концом примотала к себе ребенка, другим закрыла его от солнца. Стоявшие в дверях подались назад, чтобы дать ей пройти. Вслед за женой Кино вышел в калитку и зашагал по разбитой колесами дороге. Соседи потянулись за ними.

Дело это касалось теперь всей деревни. Ступая быстро и бесшумно, толпа направилась к центру города: впереди – Хуана и Кино, за ними – Хуан-Томас с Аполонией, большой живот которой сотрясался от скорой ходьбы. Шествие замыкали остальные соседи, а по бокам от них семенили ребятишки. Желтое солнце светило людям в спину, так что они наступали на собственные длинные тени.

Там, где заканчивались плетеные хижины, начинался город из камня и штукатурки – город неприступных стен и незримых тенистых садов, в которых журчали фонтанчики, и бугенвиллия расцвечивала стены пурпурными, кирпично-красными и белыми цветами. Из

этих потаенных садов доносились пение запертых в клетки птиц и плеск прохладной воды по горячим каменным плитам. Процессия пересекла залитую слепящим солнцем площадь и миновала церковь. Свита Кино продолжала разрастаться. Вновь прибывшим вполголоса объясняли, что ребенка ужалил скорпион и отец с матерью несут его к доктору.

Вновь прибывшие, в особенности нищие с паперти, большие знатоки в денежных вопросах, быстро оглядывали старую синюю юбку Хуаны, подмечали дыры в шали, оценивали зеленую ленту в волосах, прикидывали, сколько лет одеялу Кино и сколько раз стиралась его одежда, определяли в них бедняков и присоединялись к процессии, чтобы поглазеть, какая в итоге разыграется драма. Нищие с паперти могли бы рассказать обо всем, что делалось в городе. Они пытливо всматривались в лица молодых женщин, когда те шли на исповедь или возвращались с нее, и безошибочно угадывали род совершенного греха. Им был известен каждый мелкий скандал и даже парочка крупных преступлений. Они не покидали поста и спали в тени церкви, чтобы никто не мог прокрасться за утешением без их ведома. А еще они знали доктора. Знали о его невежестве, жестокости, алчности, пороках и аппетитах. Знали, как неумело он делает аборт и как скупой раздает милостыню; видели, как вносят в церковь его мертвецов. А поскольку утренняя месса закончилась и особых доходов не ожидалось, нищие, эти неутомимые философы, стремящиеся до конца постичь природу своих ближних, тоже примкнули к процессии, дабы проверить, что станет делать толстый ленивый доктор с ужаленным ребенком.

Наконец нестройная процессия подошла к воротам докторского дома, за которыми слышался плеск воды, пение запертых в клетки птиц и шелест длинных метел по каменным плитам. Из окон доносился запах жарящегося бекона.

Кино замер в нерешительности. Доктор не принадлежал к их народу. Его соплеменники почти четыре сотни лет истязали, морили голодом, обкрадывали и презирали соплеменников Кино, держа их в таком страхе, что Кино, коренной житель этой земли, не смел подойти к дверям. Как и всегда, приближаясь к человеку этого народа, Кино чувствовал себя слабым, напуганным и в то же время обозленным. Внутри у него тесно переплелись ярость и страх. Ему легче было бы убить доктора, чем заговорить с ним, потому что все соплеменники доктора обращались со всеми соплеменниками Кино как с бестолковыми животными. Правой рукой Кино взялся за железное кольцо на воротах. В его душе бурлила ярость, зубы оскалились, а в ушах стучала музыка врага, но левой рукой он все-таки потянулся снять шляпу. Лязгнуло железное кольцо. Кино обнажил голову и приготовился ждать. На руках у Хуаны слабо застонал Койотито, и она что-то тихо ему зашептала. Зрители сгрудились плотнее, чтобы лучше видеть и слышать.

Створка больших ворот приоткрылась. В щель Кино увидел тенистую зелень сада и маленький фонтанчик. С той стороны на него смотрел человек его собственного народа, и Кино заговорил с ним на древнем наречии:

— Младенец, мой первенец, отравлен ядом скорпиона. Ему требуется искусство целителя.

Однако слуга не пожелал отвечать на том же наречии.

— Минуточку, — сказал он, — я доложу.

Слуга захлопнул ворота и задвинул засов. Палящее солнце отбрасывало на белую стену многоголовую тень толпы.

Доктор сидел в постели, завернувшись в привезенный из Парижа красный муаровый халат, который с недавних пор стал немного узок в груди, если застегнуть на все пуговицы. На коленях он держал серебряный поднос, где стояли серебряный кувшинчик с горячим шоколадом и крошечная чашечка китайского фарфора. Чашечка была настолько изящная, что смотрелась нелепо в пухлой докторской руке, когда он брал ее самыми кончиками большого и указательного пальцев, широко растопыривая остальные, чтобы не мешали. Глазки

доктора утопали в жировых складках, а рот кривился от недовольства. За последние годы он сильно располнел, и голос у него сделался хриплым от давящего на горло жира. На столике рядом с кроватью лежал маленький гонг и стояла вазочка с сигаретами. Все в комнате казалось тяжелым, темным и мрачным. Картины – сплошь на религиозные темы, не исключая большой раскрашенной фотографии покойной докторской супруги, которая, если такое под силу многочисленным мессам, заказанным в соответствии с ее последней волей и на ее же собственные средства, пребывала теперь в раю. Когда-то доктору посчастливилось повидать большой мир, и всю его последующую жизнь наполняли воспоминания и тоска по Франции. «Вот что значит цивилизованная страна!» – любил повторять он, подразумевая под этим, что на небольшое жалованье он мог там позволить себе содержать любовницу и обедать в ресторанах.

Налив вторую чашку горячего шоколада, доктор раскрошил в руке сладкое печенье. Слуга-привратник остановился в дверях и стал ждать, когда на него обратят внимание.

– Да? – произнес доктор.

– Пришел индеец с ребенком. Говорит, малыша ужалил скорпион.

Прежде чем дать волю гневу, доктор осторожно поставил чашку на поднос.

– У меня что, дел других нет, как лечить покусанных насекомыми индейских детей?

Я врач, а не ветеринар!

– Да, хозяин, – отозвался слуга.

– Деньги у него есть? Хотя откуда? У них никогда не бывает денег! В целом свете один я почему-то должен работать бесплатно, и мне это уже осточертело. Выясни, есть ли у него деньги.

Вернувшись к воротам, слуга приоткрыл одну створку и поглядел на стоящих снаружи людей. На этот раз он тоже заговорил на древнем наречии:

– Есть у вас деньги, чтобы заплатить целителю?

Из потайного места в складках одеяла Кино достал сложенную во много раз бумажку. Он бережно развернул ее: в ней лежало восемь мелких, неправильной формы жемчужин, серых и безобразных, как маленькие язвочки, сплюснутых и почти ничего не стоящих. Слуга взял бумажку и снова запер ворота. На этот раз он отсутствовал недолго, а вернувшись, открыл створку ровно настолько, чтобы просунуть руку с бумажкой.

– Доктора нет, – объявил слуга. – Его срочно вызвали к больному.

И, сгорая со стыда, поспешно захлопнул ворота.

Волна стыда прокатилась и по толпе, рассеяла ее в разные стороны. Нищие вернулись на паперть, зеваки разбрелись кто куда, а соседи поскорее ушли, чтобы не смотреть на публичное унижение Кино.

Долго Кино стоял перед закрытыми воротами вместе с Хуаной. Наконец он медленно надел шляпу, которую все это время униженно держал в руке, и внезапно, без всякого предупреждения, обрушил на ворота мощный удар, а затем удивленно посмотрел на собственную руку – на разбитый кулак и сочащуюся между пальцами кровь.

II

Город стоял на берегу широкого речного устья, и его старинные, отделанные желтой штукатуркой здания дугой окаймляли песчаный пляж. На песке лежали привезенные из Наярита² белые с синим каноэ. Покрытые особой водонепроницаемой замазкой, секрет изготовления которой был известен только народу Кино, они могли прослужить не одно поколение. Борта у таких каноэ высокие, нос и корма грациозно изогнуты, а в центре лодки есть гнездо, куда вставляется мачта с маленьким треугольным парусом.

Вдоль воды тянулась полоса водорослей, ракушек и прочего мусора. В песчаных норках пускали пузыри крабы-скрипачи; на мелководье сновали маленькие омары, то вылезая из своих пещерок, то залезая обратно. На глубине обитало великое множество плавающих, ползучих и неподвижных существ. В легких подводных потоках раскачивались бурые водоросли и колыхалась зеленая морская трава, к стеблям которой цеплялись хвостами крошечные морские коньки. На дне лежали ядовитые пятнистые рыбы ботете, а через них карабкались нарядные крабы-плавунцы. По берегу бродили голодные собаки с голодными свиньями и без усталости искали, не принесло ли приливом дохлой рыбы или дохлой птицы.

Хотя утро только начиналось, над заливом уже висело марево, увеличивая одни предметы и скрывая от взора другие. Местами море и суша проступали отчетливо, а местами расплывались, как в зыбком сновидении. Возможно, поэтому живущие по берегам залива люди верят тому, что являют им дух и воображение, но не надеются на собственные глаза, если нужно определить расстояние, очертания предмета или что-либо еще, требующее оптической точности. Одна роща мангровых деревьев на противоположном берегу речного устья виднелась ясно, как в телескоп, другая напоминала расплывчатую черно-зеленую кляксу. Вдали часть побережья исчезала в искрящейся дымке, которую легко было принять за воду. Полагаться на зрение не мог никто, и никто не мог с твердостью сказать, существует ли на самом деле то, что он видит, или нет. Под лучами солнца висящее над водой медное марево колебалось и мерцало так, что рябило в глазах.

Плетеные хижинки стояли по правую руку от города, а перед ними тянулась полоса песка, куда вытаскивали лодки. Кино с Хуаной медленно спустились по берегу к тому месту, где лежало их старое каноэ – единственное, что имелось у Кино ценного в мире. Он получил эту лодку от отца, а тот – от деда, который когда-то привез ее из Наярита. Для Кино она была не просто собственностью, а средством прокормиться: если у мужчины есть лодка, женщина точно знает, что не будет голодать. Каждый год он заново покрывал ее водонепроницаемой замазкой, секрет изготовления которой тоже достался ему от отца. Кино подошел к лодке и, как обычно, бережно дотронулся до изогнутого носа. Он опустил на песок камень для ныряния, корзинку и две веревки, затем свернул одеяло и бросил в носовую часть.

Хуана уложила Койотито на одеяло и накрыла шалью, чтобы палящее солнце не напекло ему голову. Малыш больше не плакал, но его лицо горело, а опухоль продолжала разрастаться и уже расползлась по всей шее до самого уха. Хуана вошла в воду, набрала бурых водорослей, сделала плоский влажный компресс и приложила к распухшему плечу ребенка. Средство это было ничуть не хуже, а быть может, даже лучше любого лекарства, которое мог бы прописать доктор, однако ему не хватало весомости докторского авторитета – оно казалось слишком простым и не стоило ни гроша. Брюшные колики у Койотито пока не начались. Возможно, Хуана успела высосать яд, зато не высосала из сердца собственную тревогу за ребенка. Мать не молилась об исцелении ребенка напрямую – она молилась о том,

² Наярит – штат на западе Мексики.

чтобы найти жемчужину, которой можно будет расплатиться с доктором за лечение, ибо ум человеческий так же зыбок, как мираж над заливом.

Кино с Хуаной подтащили каноэ к самой кромке песка. Когда нос соскользнул на воду, Хуана забралась внутрь, а Кино столкнул лодку с берега и шел рядом, пока она не закачалась на легких волнах. Потом, слаженными движениями, они рассекли воду двухлопастными веслами, и каноэ со свистом полетело по воде. Остальные ловцы жемчуга давно уже вышли в море. Вскоре Кино заметил их в зыбком мареве над устричной банкой.

Свет проникал сквозь воду, освещая усыпанное сломанными ракушками дно, на котором лежали устрицы-жемчужницы. Именно эта устричная банка сделала короля Испании могущественной фигурой в Европе, именно она помогала оплачивать его войны и украшать церкви во спасение монаршей души. Серые раковины устриц были покрыты похожими на юбки оборками, облеплены крошечными рачками и водорослями, а сверху по ним карабкались маленькие крабы. По чистой случайности в такую раковину могла попасть песчинка – завалиться между мышечными складками и лежать, раздражая мягкое тело, пока в попытке защититься моллюск не обволакивал ее слоем гладкого перламутра. Однажды начатый, процесс уже не прекращался: устрица продолжала обволакивать инородный предмет все новыми и новыми слоями, пока его не вымывало водой или пока не погибал моллюск. Веками ловцы ныряли в море, отрывали устриц от дна и вскрывали оборчатые раковины в поисках покрытых перламутром песчинок. Целые стаи рыб жили вокруг банки, питаясь устричным мясом и теребя губами блестящую внутреннюю поверхность раковин. Однако жемчужина – это случайность; если нашел ее – значит, тебе улыбнулась удача, потрепал по спине то ли Бог, то ли боги, а может, и тот и другие.

С собой у Кино было две веревки: одна привязана к тяжелому камню, другая – к корзинке. Он стянул штаны с рубашкой и положил шляпу на дно каноэ. Поверхность моря казалась гладкой, как масло. Кино взял камень в одну руку, корзинку – в другую, перекинул ноги через борт и соскользнул вниз. Камень быстро утянул его на дно. За ним поднимался целый шлейф пузырей, но вскоре вода успокоилась, и Кино смог видеть. Над головой волнящимся зеркалом блестела поверхность моря, пробитая кое-где днищами лодок.

Кино двигался осторожно, чтобы не замутило воду илом и песком. Он продел ногу в петлю на конце привязанной к камню веревки и принялся быстро работать, отрывая устриц ото дна – то по одной, то по нескольку – и укладывая их в корзинку. Кое-где устрицы приросли друг к другу и отделялись целыми гроздьями.

Некогда народ Кино пел обо всем, что только существовало или происходило в мире; пел рыбам, морю спокойному и морю гневному, свету и тьме, луне и солнцу, и все эти песни звучали внутри у Кино и у людей его народа – все до одной, даже те, что давно забылись. И вот, пока Кино наполнял корзинку, внутри у него слышалась песня. Ритмом ей служил тяжелый стук сердца, пожирающего кислород из наполненных воздухом легких, а мелодией – серо-зеленая вода, снующие по дну морские создания и косяки рыб, которые пронеслись мимо и тут же исчезали. И была в этой песне еще одна, внутренняя песня, едва различимая, но сладостная, тайная и неотступная, почти незаметная за основной мелодией, песня найденной жемчужины, ведь каждая раковина в корзинке могла таить в себе жемчужину. Все шансы говорили «нет», однако удача и боги могли сказать «да». Кино знал: в каноэ у него над головой Хуана сидит с застывшим лицом и окаменелыми мускулами и творит магию молитвы, чтобы загнать удачу в угол, вырвать ее из рук у богов, потому что удача нужна ей для Койотито. И так велики были эта нужда и желание, что чуть слышная тайная мелодия жемчужины звучала сегодня особенно громко – целые музыкальные фразы мягко и отчетливо вплетались в основную песню морского дна.

Кино, гордый, молодой и сильный, мог с легкостью оставаться под водой больше двух минут, поэтому работал не торопясь и выбирал только самых крупных моллюсков. Потре-

воженные его присутствием, все они держали раковины плотно закрытыми. Чуть справа возвышался каменистый бугорок, покрытый молодыми устрицами, собирать которых было еще рано. Кино подошел поближе. Рядом с бугорком, под небольшим выступом, он увидел огромную древнюю устрицу. Она лежала сама по себе, не облепленная собратями. Под защитой маленького выступа ее раковина осталась слегка приоткрытой. Кино успел заметить, как среди складок похожей на губы мышцы что-то призрачно блеснуло, и раковина тут же захлопнулась. Сердце у него тяжело застучало, в ушах пронзительно взвизгнула мелодия жемчужины. Кино медленно отделил устрицу от морского дна и крепко прижал к груди, затем рывком высвободил ногу из петли и всплыл на поверхность. Его черные волосы заблестели на солнце. Он перегнулся через борт каноэ и положил находку на дно.

Пока он забирался внутрь, Хуана выравнивала каноэ. Глаза у Кино сияли от возбуждения, но ради приличия он все-таки поднял со дна сначала камень, затем корзинку с устрицами. Хуана чувствовала его возбуждение и делала вид, что смотрит в другую сторону. Нельзя желать чего-то слишком сильно: можно отпугнуть удачу. Желание должно быть большим, но не чрезмерным, чтобы не оскорбить Бога или богов. И все же Хуана почти не дышала. Нарочито медленно Кино раскрыл короткий прочный нож и задумчиво посмотрел на корзинку: не лучше ли оставить большую устрицу напоследок? Он достал из корзинки маленького моллюска, вскрыл раковину, обыскал складки мягкой плоти и выбросил в воду. Казалось, Кино заметил огромную устрицу только теперь. Он присел на корточки, взял ее в руку и внимательно осмотрел. К раковине приросло всего несколько рачков, а желобки на ней блестели черным и темно-коричневым. Кино не спешил ее открывать. Он знал: то, что ему привиделось, вполне может оказаться солнечным бликом, случайно попавшим внутрь осколком ракушки или просто миражом. В этом заливе мнимого света больше, чем настоящего.

Хуана не могла ждать.

– Открой, – тихо произнесла она и положила руку на покрытую шалью голову Койотито.

Кино ловко просунул лезвие между створками раковины – тело устрицы тут же напряглось. Орудая ножом как рычагом, он перерезал соединяющую створки мышцу, и раковина развалилась пополам. Похожая на губы мышца судорожно дернулась и сразу опала. Кино приподнял ее, и его взгляду предстала великая жемчужина, совершенная, точно луна. Она вбирала свет, пропускала его сквозь себя, превращая в серебристое сияние, и снова излучала вовне. Жемчужина была крупная, не меньше яйца морской чайки, величайшая жемчужина в мире.

У Хуаны перехватило дыхание; она слабо застонала. А внутри у Кино тайная мелодия жемчужины зазвучала громко и отчетливо, полнозвучная, теплая и прекрасная, блистательная, победная и торжествующая. На поверхности великой жемчужины ему виделись образы сновидений и грез. Он достал ее из складок умирающей плоти и положил себе на ладонь. Повертел в пальцах – она была идеальна. Хуана подошла посмотреть на жемчужину в руке у мужа – той самой, которую он разбил о ворота докторского дома. От морской воды ободранные костяшки пальцев сделались серовато-белесыми.

Повинуясь инстинкту, Хуана вернулась туда, где лежал на отцовском одеяле Койотито. Она приподняла служившие компрессом водоросли и взглянула на плечо ребенка.

– Кино! – пронзительно вскрикнула Хуана.

Кино оторвал взгляд от жемчужины и увидел, что опухоль спадает – яд уходит из тела ребенка. Тогда Кино стиснул жемчужину в кулаке, и его захлестнуло. Он запрокинул голову и завыл. Глаза у него закатились, мускулы окаменели. Другие ловцы удивленно подняли головы, потом ударили веслами по воде и заспешили к нему.

III

Город – это единый организм, у которого есть нервы, голова, плечи и ноги. Каждый город существует отдельно и не похож ни на один другой. А еще у города есть свое настроение. Как распространяются в нем новости – неразрешимая загадка. Кажется, они разлетаются быстрее, чем бегают мальчишки; быстрее, чем женщины успевают поделиться ими через забор.

Прежде чем Кино с Хуаной добрались до дома, нервы города уже пульсировали и трепетали от возбуждения: Кино нашел величайшую жемчужину в мире! Запыхавшиеся мальчишки еще не успевали вымолвить ни слова, а их матери уже обо всем знали. Новость пронеслась над плетеными хижинами и пенной волной хлынула в город камня и штукатурки. Она достигла ушей священника, который прогуливался у себя в саду, подернула задумчивостью его взгляд и вызвала в памяти кое-какие почилочные работы, которые не мешало бы провести в церкви. Святой отец прикинул, сколько могут дать за жемчужину, и попытался вспомнить, крестил ли он ребенка Кино. Да и обвенчаны ли Кино с Хуаной, если уж на то пошло?.. Новость докатилась до лавочников, и они тут же покосились на мужскую одежду, которая никак не желала распродаваться.

Новость дошла и до доктора, который сидел у постели женщины, чьей единственной болезнью был возраст, хотя и врач, и пациентка отказывались это признать. Когда доктор понял, кто такой Кино, лицо его сделалось одновременно строгим и рассудительным.

– Я знаю этого человека, – пояснил он. – Лечу его ребенка, ужаленного скорпионом.

Глазки доктора слегка закатились, и ему вспомнился Париж. Комната, которую он снимал, теперь казалась ему роскошными апартаментами, а жившая с ним женщина с надменным лицом – красивой и доброй девушкой, хотя на самом деле она не была ни тем, ни другим, ни третьим. Доктор уставился куда-то вдаль, мимо дряхлеющей пациентки, и ему представилось, будто он сидит в парижском ресторане, а официант как раз открывает бутылку вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.